PG 3337
.K654 C5

1825

Kozlov, Ivan Ivanovitch
" Chernets

ЧЕРНЕЦЪ,

КІЕВСКАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА КОЗЛОВА.

« The wither 'd frame, the ruined mind,
The wrack by passoin left behind,
A shrivelled scroll, a scatter 'd leaf,
Seared by the autumn blast of grief! »

Lord Byron. The Giaour.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

« ща и будетъ ими раздавленъ, или запоп-
« танъ въ прахъ. » Сей жребій миновалъ нашего страдальца: онъ имѣлъ довольно мужества, чтобъ посмотрѣть *прямо въ лицо* своему страшному посѣтителю. Въ молодыхъ лѣтахъ, проведенныхъ въ разсѣянности большаго свѣта, онъ не зналъ того, что таилось въ его душѣ, созданной понимать высокое и прекрасное — несчастіе открыло ему эту тайну: похитивъ у него лучшія блага жизни, оно даровало ему поэзію. Вотъ уже пятый годъ, какъ онъ безъ ногъ и слѣпъ; существенный міръ исчезъ для него навсегда; но міръ души, міръ поэтическихъ мыслей, высшихъ надеждъ и вѣры открылся ему во всей красотѣ своей: онъ живетъ въ немъ и въ немъ забываетъ свои страданія, часто несносныя. Мы не входимъ въ подробности — пускай онъ самъ будетъ своимъ историкомъ: прилагаемъ здѣсь его посланіе къ другу (написаное въ 1822 году), въ которомъ съ величайшею вѣрностію изобразилъ онъ настоящую судьбу свою; оно есть не произведеніе поэта, а искренняя, трогательная исповѣдь страдальца.

Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяжелыхъ,
Вина всѣхъ думъ и грустныхъ и веселыхъ,
Моя жена и мать моихъ дѣтей!
Вотъ пѣснь моя, которой звукъ унылой,
Бывало, въ часъ безсонницы ночной,
Какою-то невѣдомою силой
Меня плѣнялъ и духъ тревожилъ мой!
О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданье Чернеца,
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тмѣ чужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ Днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать;
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать:
Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ груди моей давно я схоронилъ;
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя

Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ:
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу: и сладко мнѣ мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Такъ въ темну ночь цвѣтокъ, краса полей,
Свой запахъ льетъ, незримый для очей.

Санктпетербургъ.
17 *Сентября*, 1824 *года.*

ЧЕРНЕЦЪ.

I.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Межь дикихъ скалъ кипитъ, шумитъ,
У рощи на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ;
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой,
И подлѣ ключь воды студеной

Журчитъ цѣлительной струёй
Подъ тѣнью липы вѣковой.

II.

Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужь гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсень на лугахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Никто не пройдетъ; лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвѣнитъ
Вдали дорогой столбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужь нѣтъ на лодкахъ огоньковъ.
Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды спятъ;
Пробилъ на башнѣ часъ урочный;
Обитель въ сонъ погружена;

Повсюду миръ и тишина.
Въ далекой кельѣ лучь лампадный
Едва блеститъ; и въ кельѣ той
Свой вѣкъ кончаетъ безотрадный
Чернецъ, страдалецъ молодой.
Утраты, страсти и печали
Свой знакъ ужасный начертали
На пасмурномъ его челѣ;
Гроза въ сердечной глубинѣ;
Судьба его покрыта тмою:
Откуда онъ, и кто такой?
Не знаютъ. Но въ враждѣ съ собой
Онъ мучимъ тайной роковою.
Разъ ночью въ бурю онъ пришелъ;
Съ тѣхъ поръ въ обители остался,
Жизнь иноковъ печально велъ,
Дичился всѣхъ, отъ всѣхъ скрывался.
Его видъ чудный всѣхъ страшилъ;
Чернецъ ни съ кѣмъ не говорилъ:
Но въ глубинѣ души унылой

Ужасное замѣтно было.
Въ торжественный молитвы часъ
И онъ пѣвалъ хвалебный гласъ...
Но часто вопли тяжкой муки
Святые прерывали звуки!
Бывало, онъ во тмѣ ночей
Покоя въ кельѣ не находитъ,
И въ длинной мантіи своей
Между могилъ, какъ призракъ, бродитъ—
Теперь недвижимъ, ждетъ конца:
Недугъ терзаетъ Чернеца.

III.

Предъ нимъ со взоромъ умиленья
Держалъ Игуменъ крестъ спасенья.
И тяжко страждущій вздыхалъ:
Онъ пламенѣлъ, онъ трепеталъ,
Онъ дважды тихо приподнялся,

Онъ дважды рѣчь начать старался;
Казалось, нѣкій грозный сонъ
Воспоминать страшился онъ,
И робко, дико озирался.
Чернецъ, Чернецъ, уже ли ты
Все помнишь прежнія мечты!...
Но превозмогъ онъ страхъ могилы;
Зажглися гаснущія силы;
Онъ старца за руку схватилъ,
И такъ страдалецъ говорилъ:

VI.

Отецъ! Межъ васъ пришлецъ угрюмый,
Быть можетъ, я моей тоской
Смущалъ спасительныя думы
И миръ обители святой.
Вотъ тайна: дней моихъ весною
Ужъ я все горе жизни зналъ;

Я взросъ бездомнымъ сиротою,
Родимой ласки не видалъ;
Веселья дѣтства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь и чистый и прекрасной
Въ груди младой пылалъ напрасно:
Мнѣ было некого любить!
Увы, я долженъ былъ таить,
Страшась холоднаго презрѣнья
Отъ непривѣтливыхъ людей,
И сердца пылкаго волненья,
И первый жаръ души моей!
Уныло разцвѣтала младость;
Смотрѣлъ я съ дикостью на свѣтъ;
Не зналъ я, что такое радость!
Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ
Ни съ кѣмъ любви не раздѣляя,
Жилъ нелюдимо въ тишинѣ,

И жизнь суровая, простая
Отрадною казалась мнѣ.
Любилъ я по лѣсамъ скитаться,
День цѣлый за звѣрьми гоняться,
Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться:
Мнѣ было нечего терять,
Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться.

V.

Но вскорѣ съ Невскихъ береговъ
Покрытый воинъ сѣдинами
Пріѣхалъ вѣкъ дожить межь нами
Подъ тѣнью отческихъ дубровъ.
Онъ жилъ въ селѣ своемъ съ женою,
И съ ними дочь въ семнадцать лѣтъ...
О старецъ! Гробъ передо мною,
Во взорахъ тмится Божій свѣтъ,

Ея давно ужь въ мірѣ нѣтъ...
Но ею все живу одною;
Она одна въ моихъ мечтахъ,
И на землѣ, и въ небесахъ!
Отецъ святой, теперь напрасно
О ней тебѣ подробно знать!
Я не хочу ее назвать!
Молися только о несчастной!
Случайно насъ судьба свела;
Ея красы меня плѣнили;
Она мнѣ сердце отдала,
И мапь съ отцомъ насъ обручили.
Уже налой съ вѣнцами ждалъ;
Все горе прежнее въ забвеньи;
И я въ сердечномъ упоеньи,
Дивясь, Творца благословлялъ.
Давно ль, печально увядая,
Была мнѣ въ тягость жизнь младая?
Давно ли духъ томился мой,
Убитый хладною тоской?

И вдругъ дано мнѣ небесами
И жить и чувствовать вполнѣ,
И плакать сладкими слезами,
И видѣть радость не во снѣ!
Съ какой невинностью святою
Она пылающей душою
Лила блаженство на меня!
И кто изъ смертныхъ подъ луною
Такъ могъ любить ее, какъ я?
Сбылося въ ней мое мечтанье,
Весь тайный міръ души моей:
И я, любви ея созданье,
И я воскресъ любовью къ ней!

VI.

Но снова рокъ ожесточился;
Я снова обрѣченъ бѣдамъ.
Какой-то вдругъ на гибель намъ

Далекій родственникъ явился;
Онъ Польскихъ войскъ хорунжій былъ:
Злодѣй, онъ чести измѣнилъ!
Онъ прежде самъ коварно льстился
Съ ней въ бракъ насильственно вступить,
Хотѣлъ ограбить, притѣснить,
И презрѣнъ былъ, и только мщенья
Искалъ съ улыбкой примиренья.
О мой отецъ! Сердечный жаръ
Благихъ небесъ высокій даръ:
Нѣтъ, не горитъ огонь священной
Въ душѣ, порокомъ омраченной.
Не видно звѣздъ въ туманной мглѣ:
Любовь святое на землѣ.
Ему ль любить!... Но ахъ, судьбою
Намъ съ нашей матерью родною
Была разлука суждена!
Она незапно сражена
Недугомъ тяжкимъ... мы рыдали;
Мы одръ съ молитвой окружали:

Насталъ неизбѣжимый часъ:
Родная скрылася отъ насъ.
Еще теперь передъ очами,
Какъ въ страшную разлуки ночь
Теплѣйшей вѣры со слезами
Свою рыдающую дочь
Земная мать благословляла,
И взявъ дрожащею рукой
Пречистой Дѣвы ликъ святой,
Ее Небесной поручала.
Съ кончиной матери смѣлѣй
Сталъ мстить неистовый злодѣй:
Онъ клеветалъ; уловкой злою
Онъ слабой овладѣлъ душою,
И спарецъ слову измѣнилъ;
Желанный бракъ разрушенъ былъ.
Обманутъ низкой клеветою,
Онъ мнилъ, безжалостный отецъ,
Что узы пламенныхъ сердецъ
Могъ разорвать; и дочь младая,

Его колѣна обнимая,
Вотще лила потоки слёзъ;
Но я ни гнѣва, ни угрозъ,
Ни мщенья ихъ не убоялся,
Злодѣя презрѣлъ, дочь увёзъ,
И съ нею тайно обвѣнчался.

VII.

Быть можетъ, ты, отецъ святой,
Меня за дерзость обвиняешь;
Но, старецъ праведный, не знаешь,
Не зналъ ты страсти роковой.
Ты видишь сердца трепетанья,
И смертный хладъ, и жаръ дыханья,
И блѣдный ликъ, и мутный взоръ,
Мое безумье, мой позоръ,
И грѣхъ, и кровь—вотъ пламень страстный!
Моей любви вотъ слѣдъ ужасный!

Но будь мой рокъ еще страшнѣй:
Она была... была моей!
О, какъ мы съ нею жизнь дѣлили!
Какъ, утѣсненные судьбой,
Найдя въ себѣ весь міръ земной,
Другъ друга пламенно любили!
Живою нѣжностью мила,
Въ тоскѣ задумчивой милѣе,
На радость мнѣ она цвѣла;
При ней душа была свѣтлѣе.
Промчался годъ прелестнымъ сномъ;
Ужь мнилъ я скоро быть отцомъ;
Мы сладко въ будущемъ мечтали,
И оба вмѣстѣ уповали:
Родитель гнѣвный намъ проститъ.
Но злоба алчная не спитъ:
Въ опасный часъ къ намъ вѣсть несется,
Что вся надежда отнята,
Что дочь отцомъ ужь проклята...
Обманъ ужасный удается;

Злодѣй несчастную убилъ:
Я матерь съ младенцемъ схоронилъ.
И я... Творецъ!.. надъ той могилой,
Гдѣ легъ мой сынъ съ подругой милой,
Стоялъ, и живъ!...

Отецъ святой,
Какъ было, что потомъ со мною,
Не знаю: вдругъ какой-то тмою
Былъ омраченъ разсудокъ мой;
Лишь помню, что, большой дорогой
И день и ночь скитаясь, я
Упалъ; когдажъ вошелъ въ себя,
Лежалъ ужь въ хижинѣ убогой
Безъ чувства бѣдъ моихъ, безъ силъ;
Я жизнь страданьемъ пережилъ,
И въ сердцѣ замерло волненье;
Не скорбь, но страхъ и удивленье
Являло томное лицо;
Въ душѣ все прежнее уснуло;

Но невзначай въ глаза мелькнуло
Мое вѣнчальное кольцо...

. . . . . .

VIII.

Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ отчаяньи, въ слезахъ,
Блуждалъ съ душой осиротѣлой
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ;
Мой стонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ;
Угрюмый, скорбный, одичалой
Терзался я мечтой бывалой;
Рыдалъ о томъ, чего ужь нѣтъ;
Ночная тѣнь, потокъ нагорной,
И бури свистъ, и вѣтровъ вой
Сливались втайнѣ съ думой чёрной,
Съ неутолимою тоской;

И горе было наслажденьемъ,
Святымъ остаткомъ прежнихъ дней:
Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ
Я несовсѣмъ разсталася съ ней.

IX.

Гдѣ сердце любитъ, гдѣ страдаетъ,
И милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даетъ, и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Чрезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я ночной порою
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
И неба огнезвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ, и плесканье
Луной осеребренныхъ водъ,

Невольно душу все плѣняло,
Все въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся духъ мой сокрушенной:
« Творецъ всего! Младенецъ мой
« Съ моей подругой незабвенной
« Живутъ въ странѣ Твоей святой;
« И, можетъ быть, я буду съ ними,
« И тамъ онѣ навѣкъ моими!...»
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Дрожало сердце упованьемъ;
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзалъ ихъ вопрошать слезами....
И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашелъ, отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уповалъ крестомъ

Съ ней выстрадать соединенье,
Еще, бывало, слезы лью,
Но ихъ надежда услаждала,
И горесть тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
Мое несчастье и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносился;
И мысль однимъ была полна:
Желалъ быть чистымъ, какъ она,
И съ жизнью радостно простился;
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины,
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидѣть край, весь ею полный,
И сельскій домикъ нашъ, и садъ,

И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни березъ ихъ пепелъ милой,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

X.

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Все тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На жнивахъ тѣже пѣсни пѣли,
И также все въ странѣ родной,
А нѣтъ лишь тамъ ея одной.

Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины
Въ прелестной, милой тишинѣ
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами;
Но съ отравленною душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шелъ; день къ вечеру склонялся;
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ;
И внѣ себя я приближался
Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена...
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ, какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;
Страстямъ встревоженнымъ своимъ

Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною,
И я съ надеждой не земною
Колѣна тихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ.....
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
Гляжу, чтожъ взоръ встрѣчаетъ мой?
Жнеца съ подругой молодой,
И возъ, накладенный снопами;
И вижу я, между сноповъ
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ алыми щеками.
Невольно я затрепеталъ:
« Я все имѣлъ, все потерялъ.
« Намъ не дали жить другъ для друга.
« Въ сырой землѣ моя подруга,
« И не въ цвѣтахъ младенецъ мой;
« Его червь точитъ гробовой. »

Въ слезахъ тогда къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я;
Горѣло сердце у меня;
Тоска души убила силу;
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними;
Въ безумствѣ дикомъ я роптalъ;
Мнѣ что-то страшное мечталось;
Едва дышалъ я; въ мутной тмѣ
Сливалось все, какъ въ тяжкомъ снѣ;
Ужь чувство жизни пресѣкалось,
И я лежалъ между гробовъ
Мертвѣй ихъ хладныхъ мертвецовъ.
Но свѣжій воздухъ, влажность ночи
Страдальца вновь животворятъ;
Вздохнула грудь, открылись очи,
Кругомъ бродилъ мой томный взглядъ:
Все было тихо, скрыто мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть свѣтилъ,

И лишь могильною травою
Полночный вѣтеръ шевелилъ.

XI.

Я всталъ, и скорыми шагами
Пошелъ съ потупленной главой
Черезъ поляну; за кустами
Вилась дорога подъ горой;
Почти безъ памяти, безъ цѣли,
Я шелъ куда глаза глядѣли:
Изъ-за кустовъ на встрѣчу мнѣ
Несется кто-то на конѣ.
Не знаю самъ, какой судьбою....
Но вдругъ.... я вижу предъ собою
При блескѣ трепетномъ луны
Убійцу сына и жены.
Отецъ, то встрѣча роковая!
Я шелъ, весь міръ позабывая;

Не думалъ я его искать;
Я не хотѣлъ ему отмщать;
Но онъ, виновникъ разлученья,
Онъ тамъ, гдѣ милые въ гробахъ,
Когда еще въ моихъ очахъ
Дрожали слезы изступленья...
То знаетъ совѣсть, видитъ Богъ;
Хотѣлъ проститъ, простить не могъ.
Я измѣнилъ святой надеждѣ,
Я вспомнилъ все, что было прежде,
И за узду схватилъ коня:
« Злодѣй, узналъ ли ты меня? »
Онъ робко смотритъ, онъ дивится,
Онъ саблю обнажить стремится,
Увы, со мною былъ кинжалъ!...
И онъ въ крови съ коня упалъ.

Тогда еще не разсвѣтало;
Я внѣ себя иду назадъ;
И рощи и поля молчатъ,

Передъ зарею все дремало,
Лишь несся гулъ издалека,
Какъ конь скакалъ безъ сѣдока.
Безчувственно я удалялся.
Все, что сбылось, казалось мнѣ,
Какъ что-то страшное во снѣ.
Вдругъ звонъ къ заутренѣ раздался...
Огнями свѣтлый храмъ сіялъ,
А небо вѣчными звѣздами,
И лунный свѣтъ осеребрялъ
Могилы тихія съ крестами;
Призывный колоколъ звѣнѣлъ;
А я стоялъ, а я смотрѣлъ,
Я въ свѣтлый храмъ итти не смѣлъ....
« О чемъ теперь, и какъ молиться?
Чего мнѣ ждать у олтарей?
Мнѣ ль уповать навѣки съ ней
Въ святой любви соединиться?
Какъ непорочность сочетать
Убійцы съ буйными страстями?

Какъ въ небѣ ангела обнять
Окровавленными руками?»

XII.

Въ обитель вашу я вступилъ,
Искалъ я слезъ и покаянья;
Увы, я грѣшный погубилъ
Святыя сердца упованья!
Бывало, бѣдствіе мое
Я вѣрой услаждалъ всечасно;
Теперь — до гроба жить ужасно!
За гробомъ — вѣчность безъ нее!
Я мнилъ, отецъ мой, между вами
Небесный гнѣвъ смягчить слезами,
Я мнилъ, что постъ, молитва, трудъ
Винѣ прощенье обрѣтутъ;
Но и въ обители спасенья
Я слышу бурь знакомый шумъ;

Проснулись прежнія волненья,
И сердце полно прежнихъ думъ.
Вездѣ, отчаяньемъ томимый,
Я вижу ликъ неотразимый;
Она въ умѣ, она въ рѣчахъ,
Она въ моленьи на устахъ;
Къ ней сердце пылкое стремится,
Но тѣнь священную боится
На лонѣ мира возмутить.
О, вѣрь, необагренный кровью,
Дышалъ я чистою любовью,
Умѣлъ земное позабыть:
Я въ небесахъ съ ней думалъ жить!
Теперь, какъ гибельнымъ ударомъ
И тамъ я съ нею разлученъ,
Опять горю безумнымъ жаромъ,
Тоскою дикой омраченъ.
Здѣсь, на соломѣ, въ кельѣ хладной,
Не предъ крестомъ я слезы лью;
Я вяну, мучуся, люблю,

Въ печали сохну безотрадной;
Весь ядъ, все бѣшенство страстей
Кипятъ опять въ груди моей,
И, жертва буйнаго страданья,
Мои преступныя рыданья
Тревожатъ таинство ночей.

XIII.

Вчера — бьетъ полночь — страхъ могилы
Послѣднія разрушилъ силы —
И предъ Иконою святой
Съ непосшижимою тоской
Я изливалъ мои страданья;
Я Милосердаго молилъ,
Чтобъ грѣхъ кровавый мнѣ простилъ,
Чтобъ принялъ слезы покаянья.
Вдругъ что-то, свыше осѣня,
Какъ будто душу озарило

И тайной святостью страшило,
Отецъ мой, грѣшнаго меня.
Лампада лучь дрожащій, блѣдной
Бросала томно въ кельѣ бѣдной.
Покрыта бѣлой пеленой,
Она предстала предо мной,
И черныя горѣли очи
Ярчѣе звѣздъ осенней ночи.
О, нѣтъ, то былъ не призракъ сна
И не обманъ воображенья!
Святой отецъ, къ чему сомнѣнья!
Съ нея слетѣла пелена,
И то была, повѣрь....она!
Она, прелестная, младая;
Ея улыбка неземная;
И кудри темные съ чела
На грудь лилейную бѣжали,
И, мнилось мнѣ, ея уста
Былое, милое шептали;
Все та жь любовь въ ея очахъ,

И нашъ младенецъ на рукахъ.
« Она!... Прощенъ я небесами!»
И слезы хлынули рѣками.
Я внѣ себя бросаюсь къ ней,
Схватилъ, прижалъ къ груди моей...
Но сердце у нея не бьется,
Молчитъ плѣнительная тѣнь;
Неумолимая несется
Опять въ таинственную сѣнь:
И руки жадныя дрожали,
И только воздухъ обнимали;
Мечтой обмануты, онѣ
Къ груди прижалися однѣ.
Уже ль отринуты моленья?
Уже ль ты вѣстникъ отверженья?
Или, въ ужасный смертный часъ,
Моя все вѣрная подруга,
Хотѣла ты въ послѣдній разъ
Взглянуть на гибнущаго друга? — —
И съ ложа на колѣна палъ

Чернецъ; и замеръ голосъ муки;
Взоръ оживился, засверкалъ;
Къ чему-то вдругъ простеръ онъ руки,
Какъ изступленный закричалъ:
« Ты здѣсь опять!... конецъ разлуки!
« Зовешь!... моя!.. всегда!.. вездѣ!..
« О, какъ свѣтла!.. къ нему!.. къ тебѣ!...»

XIV.

Два дни, двѣ ночи онъ томился,
И горько плакалъ и молился;
На третью ночь отецъ святой
Обитель мирную сзываетъ;
Послѣдній часъ уже летаетъ
Надъ юной грѣшною главой.
И въ келью брата со свѣчами
Соборомъ иноки вошли,
И бѣлый саванъ принесли...
И гробъ досчатый за дверями.

Печаленъ былъ ихъ томный гласъ,
За упокой души молящихъ;
Печаленъ видъ ихъ черныхъ рясъ
При тускломъ блескѣ свѣчь горящихъ.
Прочитана святымъ отцомъ
Отходная надъ Чернецомъ.
Когда жь минута роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ,
Онъ, тлѣнный прахъ благословляя,
Ударить въ колоколъ велѣлъ....
И звонъ трекратно раздается
Надъ полуночною волной,
И объ усопшемъ вѣсть несется
Далеко зыбкою рѣкой.
Въ пещеру вѣщій звонъ домчался,
Гдѣ схимникъ праведный спасался:
« Покойникъ! » старецъ прошепталъ,
Открылъ налой, и четки взялъ.
У рыбаковъ сонъ безмятежной
Имъ прерванъ въ хижинѣ прибрежной:

Грудной младенецъ сталъ кричать;
Его креститъ съ просонья мать;
Творитъ молитву начинаетъ,
И тихо колыбель качаетъ;
И передъ тлѣющимъ огнёмъ
Опять уснула крѣпкимъ сномъ.
И черезъ поле той порою
Шелъ путникъ съ милою женою;
Они свой ужасъ въ темну ночь
Веселой пѣснью гнали прочь:
Но только звуки раздалися;
Перекрестились, обнялися,
Пошли грустнѣй рука съ рукой...
И звукъ утихъ во тмѣ ночной.

КЪ ДРУГУ

В. А. Ж.

КЪ ДРУГУ
В. А. Ж.

(По возвращеніи его изъ путешествія).

Опять ты здѣсь! опять судьбою
Дано мнѣ вмѣстѣ быть съ тобою!
И взоръ хотя потухшій мой
Ужь взоровъ друга не встрѣчаетъ;
Но сердцу внятный голосъ твой
Глубоко въ душу проникаетъ.
О! долго въ дальной сторонѣ
Ты зажился, нашъ путникъ милый!
И сей разлуки годъ унылый,
Мой другъ, былъ чернымъ годомъ мнѣ!
Но я любить не разучился,

Друзей моихъ не забывалъ,
Отъ нихъ нигдѣ не отставалъ,
И часто мысленно носился
Съ тобою выше облаковъ,
Въ странѣ, гдѣ посреди снѣговъ
Весна роскошно зеленѣетъ,
Гдѣ виноградъ душистый рдѣетъ,
Дубровы мирныя шумятъ,
Луга красуются цвѣтами,
И вѣковые льды горятъ
Небесной радуги огнями.
И часто, часто я съ тобой
Альпійскихъ вѣтровъ слушалъ вой,
И мрачныхъ соснъ суровый ропотъ,
И тайный ихъ полночный шопотъ.
Смотрѣлъ, какъ съ горъ потокъ тамъ бьетъ
И грохотъ въ рощахъ раздается;
Лавина, рухнувъ, здѣсь падетъ,
Чрезъ селы страшный путь беретъ
И лавой снѣжною несется.

Но видъ утрюмой красоты
Опъ сердца гонитъ прочь мечты,
И насъ въ священный трепетъ вводитъ.
Бывало, чаще въ мысль приходитъ,
Когда ужь мѣсяцъ надъ рѣкой,
Что другъ вечернею порой
Въ раздумьи по долинамъ бродитъ,
Плыветъ по тихимъ озерамъ,
И къ синимъ ихъ склоненъ спруямъ,
Въ часы сердечнаго мечтанья,
Чужимъ передаетъ волнамъ
Родимыхъ волнъ воспоминанья
И дальныхъ милыхъ тѣхъ полей,
Гдѣ онъ въ безпечности своей
Жизнь встрѣтилъ, счастью довѣряясь,
Когда надежда улыбаясь
Тропинкой призраковъ вела:
Тамъ онъ лелеялъ грусть и радость,
И въ вдохновеньяхъ тамъ цвѣла
Его задумчивая младость.

И кто жь весну свою забылъ?
Кто не живетъ воспоминаньемъ?
И я его очарованьемъ
Бываю менѣе унылъ,
Улыбку иногда встрѣчаю,
И, весь въ минувшемъ, забываю,
Какъ въ непреклонности своей
Судьба карать меня умѣетъ —
И память прежнихъ свѣтлыхъ дней
Тоской отрадною мнѣ вѣетъ.
И я, мой другъ, и я мечталъ!
Я видѣлъ сонъ любви и счастья,
Я свято сердцемъ уповалъ,
Что нѣтъ подъ небомъ имъ ненастья.
Съ зарей, ты знаешь, юныхъ дней,
Плѣненъ любимою мечтою,
Стремился я за ней одною,
И безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ
Казался степью лишь пустою;
Съ душой, наполненной огнемъ,

Я волнъ и бурь не устрашился,
И въ легкомъ челнокѣ моемъ
Отважно по морю пустился.
Меня манилъ надежды лучь,
И какъ гроза ни бунтовала,
Мнѣ изъ-за гнѣвныхъ черныхъ тучь
Звѣзда привѣтная сіяла:
Что сердцу снилось, все сбылось!
Ахъ! для чего же, молодое
Мое ты счастье золотое,
Такъ быстро, быстро пронеслось!
Иль видно, другъ, сказать съ тобою:
Не у меня ему гостить!
Такъ мы слыхали, что порою
Случайно птичка залетитъ
Отъ южныхъ острововъ прекрасныхъ
Въ страну дней мрачныхъ и ненастныхъ,
Гдѣ дикій долъ и темный лѣсъ
Не зрѣли голубыхъ небесъ —
И тамъ эѳирною красою

И пѣнья нѣжностью простою
Угрюмый боръ развеселитъ,
Минутной нѣгои подаритъ!....
Но край, гдѣ буря обитаетъ,
Ей не родная сторона:
И, лишь залетная, она
Мелькнетъ, прельститъ и улетаетъ.

Пять разъ зеленыя поля
Весна цвѣтами обновляла,
Съ тѣхъ поръ, какъ, другъ, она меня
Въ тѣнистыхъ рощахъ не видала.
Пять цѣлыхъ лѣтъ, въ борьбѣ страстей,
Въ страданьяхъ, горемъ я томился;
Окованъ злой судьбой моей,
Во цвѣтѣ лѣтъ ужь я лишился
Всего, что въ мірѣ насъ манитъ,
Всего, что радостъ намъ сулитъ.
Могу ли усыпать цвѣтами
Жизнь той, кѣмъ жизнь моя цвѣла,

Которая въ груди зажгла
Пылъ страстный райскими мечтами,
И въ даль туманную со мной
Шла радостно рука съ рукой!...
Мой другъ, простясь съ очарованьемъ
Душею быть семьи своей,
Щитомъ, отрадой, упованьемъ
Подруги милой и дѣтей,
Уже дружился я съ тоскою,
Забылъ себя, сталъ ими жить,
Умѣлъ ихъ окружить собою,
Въ одно мои всѣ чувства слить,
Любовью счастье замѣнить....
Но что жь!... и Божій свѣтъ скрываться
Вдругъ началъ отъ моихъ очей!
И я... я долженъ былъ разстаться
Съ послѣдней радостью моей.
Напрасно для меня, напрасно
И солнце міръ животворитъ,
И нѣгой дышитъ мѣсяцъ ясной,

И зыбь потоковъ серебритъ!
Не буду зрѣть полей зеленыхъ,
Лазури свѣтлой чистыхъ водъ,
Ни дня торжественныхъ красотъ,
Ни звѣздъ, во тмѣ ночной зажженныхъ.
Но, другъ, тогда, какъ надо мной
Рокъ свирѣпѣлъ, и вѣчной мглой
И безотрадными годами
Мою онъ душу ужаснулъ,
Я, день и ночь встрѣчавъ слезами,
На поле, рощи не взглянулъ,
Забылъ проститься съ небесами:
Ахъ, на жену и на дѣтей
Хотѣло сердце насмотрѣться,
Хотѣлъ я, чтобъ въ душѣ моей
Уже вовѣкъ не могъ стереться
Очамъ незримый образъ ихъ!
« О! думалъ я, въ бѣдахъ твоихъ
« Одно лишь счастье оставалось,
« Чтобъ тѣхъ, кто сердцу милы, зрѣть;

« И сердце ими любовалось,
« И могъ ты радости имѣть!
« Смотри на нихъ! Ужь наступаетъ
« Тотъ грозный мракъ, въ которомъ ты
« Не узришь ихъ!... Дѣтей черты,
« Ты знаешь, время измѣняетъ,
« Съ годами новый видъ даётъ;
« Страшись же: видъ сей измѣнится,
« И будетъ образъ ихъ не тотъ,
« Который въ сердцѣ сохранится!»
И я съ отчаянной тоской
На нихъ стремилъ взоръ тусклый мой,
На мигъ покинуть ихъ боялся,
Къ моей груди ихъ прижималъ,
Отъ горя думать забывалъ,
Смотрѣлъ на нихъ.... но ужь скрывался
Мнѣ милый видъ въ какой-то тмѣ:
Онъ исчезалъ, сливался съ мглою,
И то, что есть, казалось мнѣ
Давно-минувшею мечтою.

Угасъ, угасъ лучь свѣтлый дня,
И сердце кровью обливалось:
И все въ грядущемъ для меня,
Какъ бездна гибели, являлось.
Навѣки окруженъ я тмой!
Любовь, жизнь, счастье, все за мной!
Къ чему же мнѣ души волненье?
Къ чему мнѣ чувства жаръ святой?
О радость! ты не жребій мой!
Мнѣ нѣтъ сердечныхъ упоеній;
Я буду тлѣть безъ услажденій;
Такъ догараетъ одинокъ
Забытый въ полѣ огонёкъ;
Онъ никого не согрѣваетъ,
Ни чьихъ не радуетъ онъ глазъ;
Его въ полночный пустникъ часъ
Съ какимъ-то страхомъ убѣгаетъ.
О другъ! повѣрь, единый Богъ,
Въ судьбахъ своихъ непостижимый,
Лишь Онъ, Всесильный, мнѣ помогъ

Стерпѣть ударъ сей нестерпимый!
Уже я духомъ упадалъ,
Уже въ отчаяньи томился;
Хотя роптать и не дерзалъ,
Но, ахъ, и уповать страшился!
Ужь въ дикой горести своей
Мои всѣ мысли затмевались:
И жизнь и смерть въ судьбѣ моей
Равно ужасными казались.
Но вдругъ... хвала Тебѣ, Творецъ!
Ты не забылъ свое твореньe!
Ты видишь глубину сердецъ,
Ты слышишь тайное моленье:
Хвала тебѣ, мой страхъ исчезъ!
Какъ Ангелъ мирный, благодатный,
Какъ вѣстникъ милости небесъ,
Незримый, тайный, но понятный,
Носилось что-то надо мной:
Душа отрадный гласъ ловила,
И вѣра огненной струёй

Страдальцу сердце оживила.
Мнѣ мниться стало, что и я
Еще дышать любовью смѣю,
Что тяжкой участью моею
Онъ — мой отецъ, не судія —
Даетъ мнѣ способъ съ умиленьемъ
Его о дѣтяхъ умолять,
И имъ купить моимъ терпѣньемъ
Его святую благодать!
И съ сей надеждою безцѣнной
Мнѣ сила крестъ нести дана;
И съ ней въ душѣ моей смятенной
Опять родилась тишина.

Но какъ навѣкъ всего лишиться?
Какъ міръ прелестный позабыть?
Какъ не желать, какъ не тужить?
Живому съ жизнью какъ проститься?....
Тогда въ священной красотѣ
Внезапно дружба мнѣ предстала:

Она такъ радостно сіяла!
Въ ея нашелъ я чистотѣ
Утѣху, нѣжность, сожалѣнье,
И ею жизнь озарена;
Ты правду намъ сказалъ: она
Второе наше Провидѣнье!
Свѣтлана добрая твоя
Мою судьбу перемѣнила,
Какъ Ангелъ Божій низлетя,
Обитель горя посѣтила
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случалось ли когда, что вдругъ,
Невольной угнѣтенъ тоскою,
Я слезы лилъ — тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала.

И вслѣдъ за ней явились мнѣ
Тѣ добродѣтели святыя,
Всегда, вездѣ ко всѣмъ благія,
И лишь могущія однѣ
Печаль и горести земныя
Въ блаженный превращать удѣлъ.
А тамъ съ улыбкой прилетѣлъ
И новый ангелъ-утѣшитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный другъ тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладость въ душу льетъ,
Ласкаетъ, радуетъ, поетъ,
И рой моихъ воспоминаній
Съ цвѣтами жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
Летаетъ снова надо мной.

Еще, мой другъ, два утѣшенья

Остались мнѣ: то легкихъ сновъ
И призраковъ ночныхъ явленья,
И васъ, возвышенныхъ пѣвцовъ,
Божественныя пѣснопѣнья.
Такъ, сновъ плѣнительный обманъ
Въ замѣну истины мнѣ данъ;
Онъ жизни памятью остался;
О томъ, съ чѣмъ я навѣкъ разсталася,
Правдивую даетъ мнѣ вѣсть;
Опять мнѣ кажетъ міръ привѣтный,
Разнообразный, разноцвѣтный,
Почти такимъ, каковъ онъ есть;
Онъ мнѣ любимое являетъ
Мечтой отрадною своей,
И завѣсу съ моихъ очей
Волшебной силою снимаетъ.
Ахъ! удается часто мнѣ
Смотрѣть на Божій свѣтъ во снѣ,
Плѣнять мой жадный взоръ лѣсами,
Рѣкою, нивами, полями,

И всей знакомой красотой
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежнею порой
Я часто ею любовался!
Какъ ты, мой другъ, я не скитался
Въ чужихъ далекихъ сторонахъ:
Все родина въ моихъ мечтахъ.
Однажды, какъ-то я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далеко очутился
Одинъ на берегу крутомъ,
Тамъ, у родной Москвы(*). День знойный,
Мнѣ снилось, ярко догаралъ,
И вечеръ пламенно-спокойный
Во всей красѣ своей блисталъ;
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обтекала;
Въ дали гористой подъ селомъ

(*) Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ Князя Юсупова, близь Воробьевыхъ горъ.

Былъ видѣнъ лѣсъ, желтѣли нивы,
А близь Дербента (*) надъ прудомъ
Тѣнистыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами,
И монастырь бѣлѣлъ святой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
Отъ стѣнъ къ приманчивымъ струямъ
Долинка ясная пестрѣла;
Тутъ домикъ сельской; въ липахъ тамъ
Часовня спрятаться хотѣла;
На всѣхъ сосѣдственныхъ холмахъ
Сады и дачи красовались,
И въ яркихъ вечера огняхъ
Струей багряной освѣщались;
И зелень рощей и полянъ
Сливалась съ твердью голубою,
И стлался золотой туманъ

(*) Садъ Графини Пушкиной.

Надъ бѣлокаменной Москвою.
Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
Подобный видъ тебѣ являлся!
Опять, однажды, все во снѣ,
Я ночью по Невѣ катался,
Между роскошныхъ острововъ
Летѣлъ прозрачною рѣкою:
И видъ красивыхъ береговъ,
Дачь, рощей, просѣковъ, садовъ,
Осеребряемыхъ луною,
И озаренный Божій храмъ,
И Царскій домъ, и мостъ чрезъ волны,
Легко такъ брошенный, все тамъ
Плѣняетъ взоръ. Но вздохъ невольный
Отъ сердца тяжко вылеталъ.
Ты часто, милый край, видалъ
Меня близь водъ твоихъ струистыхъ,
На изумрудныхъ берегахъ,
И въ цвѣтникахъ твоихъ душистыхъ,
И въ темныхъ рощахъ и въ садахъ:

До поздней ночи тамъ съ тоскою
Сижу, бывало, надъ Невою;
И часто ранняя заря
Меня въ раздумьи заставала.
Но, ахъ, ужь радость для меня
Давно съ зарей не разцвѣтала!
Еще жь случается, что я
Сны болѣ по сердцу видаю:
Я вижу васъ, мои друзья,
Мою жену, дѣтей ласкаю.
О, для чего жь въ столь сладкомъ снѣ
Нельзя мнѣ вѣчно позабыться!
И для чего же должно мнѣ
Опять на горе пробудиться!

Когда же я въ себѣ самомъ,
Какъ въ безднѣ мрачной, погружаюсь,
Какимъ волшебнымъ я щитомъ
Отъ черныхъ думъ обороняюсь?
Я слышу дивный арфы звонъ,

Любимцевъ музъ внимаю пѣнье,
Огнемъ небеснымъ оживлёнъ,
Мнѣ льется въ душу вдохновенье,
И сердце бьется, духъ кипитъ,
И новый міръ мнѣ предстоитъ;
Я въ немъ живу, я въ немъ мечтаю,
Почти блаженство въ немъ встрѣчаю;
Ужъ безъ страданья роковой
Досугъ въ занятьяхъ протекаетъ;
Бесѣда мудрыхъ укрѣпляетъ
Колеблемый разсудокъ мой;
Дивитъ въ писателяхъ великихъ
Разсказъ дѣяній знаменитыхъ,
Иль нѣжной звучностью своей
Лелеютъ арфы золотыя
Мятежный жаръ души моей
И сердца тайны дорогія.
О, счастливъ тотъ, кто обнимать
Душъ возвышенныхъ чувства, мнѣнья
Стремится съ тѣмъ, чтобъ повѣрять

Свои сердечныя движенья!
Мы съ ними чувствуемъ живѣй,
Добрѣе, пламеннѣй бываемъ:
Такъ Русь святая намъ святѣй,
Когда Карамзина читаемъ;
Такъ пылъ вспревоженныхъ спрастей
Твой геній услаждать умѣетъ,
И намъ любовь небеснымъ вѣетъ,
Когда надъ Ниною твоей
Невольно слезы наши льются—
И весело часы несутся!
О, другъ, поэзія для всѣхъ
Источникъ силы, ободренья,
Животворительныхъ утѣхъ,
И сладкаго самозабвенья!
Но для меня лишь въ ней одной
Цвѣтетъ прекрасная природа!
Въ ней міръ разнообразный мой!
Въ ней и веселье и свобода!
Она лишь можетъ разгонять

Души угрюмое ненастье
И сердцу сладко напѣвать
Его утраченное счастье.

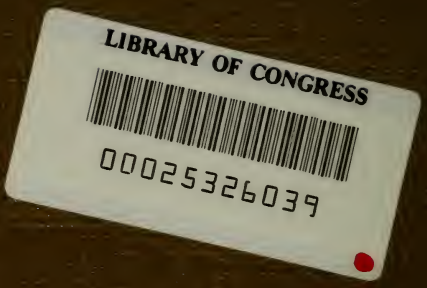
Теперь, ты зришь судьбу мою,
Ты знаешь, что со мной сбылося;
О, вѣрь, отрадно въ грудь твою
Мое все сердце излилося!
Несносный страхъ душой остыть
Всего ужаснѣй мнѣ казался,
И я сталъ пламеннѣй любить,
Чѣмъ болѣ чувствами стѣснялся.
Извѣдалъ я, что убивать
Не могутъ грозныя страданья,
Пока мы будемъ сохранять
Любви чистѣйшей упованья.
И здѣсь ли, другъ, всему конецъ?
Взгляни.... надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!

Н10 73 583

Deacidified using the Bookkeeper proce
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

OCT 73
N. MANCHESTER,
INDIANA


LIBRARY OF CONGRESS
00025326039